

В. В. Колода

О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовы Хутора)

Изучая сложную средневековую историю юга Восточной Европы, нельзя обойти вниманием значительный круг проблем, связанных со взаимодействием как различных этнических групп внутри самой салтовской (салтово-маяцкой)¹ культуры, так и ее населения с соседними народами, в частности восточными славянами. Более чем вековое изучение письменных и археологических источников по истории Хазарского каганата позволило исследователям накопить значительный материал, который позволил отойти от упрощенной этнокультурной схемы разделения носителей СМК, что господствовала в середине прошлого столетия.

В 60–70-е годы XX века благодаря работам М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой в науке закрепляются этносодержащие названия двух основных вариантов салтовских древностей: степного — «болгарского» и лесостепного — «аланского», которые составляли этнокультурную основу материальной и духовной культуры Хазарского каганата [1, 2, 3]. Такая несколько упрощенная схема понимания этнических основ СМК, при слабой к тому времени изученности ее территории, сыграла определенную позитивную роль в понимании и изучении древностей Хазарского каганата; тем более, что она вполне соотносилась с наличием определенных природно-климатических зон и используемыми хозяйственными моделями.

Дальнейшее изучение салтовских древностей, включавшее масштабные и планомерные разведки, долговременные стационарные раскопки основных памятников в Дагестане, Крыму, Поволжье и в Подонье позволили по-иному взглянуть на этнический состав как самой Хазарии, так и на этнокультурное содержание ее современного воплощения в виде древностей СМК. Сегодня вряд ли найдется исследователь, который бы отстаивал прежнее понимание этнического разделения СМК на степную — болгарскую и лесостепную — аланскую. Выделение археологически определяющих признаков большинства этносов, входивших в состав Хазарии, способствовало более глубокому пониманию этнической ситуации на рассматриваемой территории. В настоящий момент крайне затруднительно отстаивать моноэтничность не только отдельных микрорегионов Подонья, в том числе и на территории бассейна Северского Донца, но и значительной части отдельных салтовских памятников. Речь, скорее всего, должна идти о превалировании (доминировании) того или иного этноса как на конкретном памятнике, так и в регионе в целом.

Именно в таком контексте, как нам представляется, и следует рассматривать участие раннесредневековых алан, болгар, угров, самих хазар и иных тюркоязычных народов в жизни населения каганата и сопредельных с ним территорий (северяне

¹ В дальнейшем — СМК.

Днепровского Лесостепного Левобережья и вятичи боршевской археологической культуры Лесостепного Дона).

В связи с этим немалый интерес представляет такой памятник как Коробовы Хутора, расположенный на правом берегу Северского Донца между одноименным селом и поселком Гайдары в пределах Змиевского района Харьковской области (рис. 1).

Несмотря на более чем вековую известность [4, с. 35; 5, с. 104–105; 6, с. 80] и неоднократные попытки исследовать [7, с. 13–20; 8, с. 20–25; 9, с. 7–10; 10; 11] памятник остается во многом малоизученным. Он состоит из городища и обширного селища, прилегающего к городищу с южной, западной и северо-западной сторон. Жилая площадь городища, укрепленного тройной линией обороны, составляет около 1,5 га, разведанная площадь селища — чуть более 22 га. Территория поселения изобилует западинами¹, которые, как показали наши исследования, в подавляющем большинстве являются остатками заплывших раннесредневековых жилищ.

С 2003 г. исследования на памятнике проводит экспедиция Харьковского национального педуниверситета им. Г. С. Сковороды под руководством автора. За это время с целью определения площади селища было заложено 13 шурфов, снят общий инструментальный план городища и селища с поквдратной разбивкой 50×50 м (рис. 2), что позволило начать планомерные исследования памятника, рассчитанные на долгую перспективу [12; 13].

Среди большого числа поисковых шурфов и раскопов особое внимание хотелось бы обратить на раскоп-4. Он расположен практически в центральной части поселения, на одной из террас западного склона балки, выходящей к правому берегу реки, в учетном квадрате № 237 (рис. 2). Площадь его невелика — всего 40 м² (рис. 3; 4). Культурный слой начинался сразу от дневной поверхности и залегал до глубины 40–50 см. Он был весьма насыщен разнообразной керамикой (представлены все группы), камнями и костями домашних животных. Среди особых находок есть железные изделия: черешковый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 5, 9), обломки ножей, шильев, а также бронзовая ременная пряжка (рис. 5, 1). В целом артефакты соответствуют традиционным материалам салтовской археологической культуры и укладываются в общие хронологические рамки СМК — середина VIII—середина X вв. н. э. Зачистка на глубине предматерика (45–50 см) позволила выявить пятна комплексов, один из которых (№ 2) представлял собой остатки небольшой, почти квадратной в плане хозяйственной постройки (рис. 3, 4). Здесь найден неполный развал гофрированной амфоры и обломок железного складного серпа (рис. 5, 12).

Наиболее интересным объектом оказался комплекс № 1. Это было жилое помещение неопределенных в плане очертаний. Более точно сказать затруднительно, так как некоторая его часть осталась за пределами раскопа и не была доследована по причине густого многолетнего леса. Следы постройки занимали большую часть раскопа, уходя под северо-западную и, частично, под северо-восточную бровки. Дно помещения выявлено на глубине 90–120 см, что связано со значительным перепадом высот по направлению с севера на юг и с запада на восток. Сам пол имел некоторый наклон к востоку, где в восточной стене был обнаружен вход (рис. 3, 4).

Размеры основного помещения в плане были следующими: по линии северо-восток — юго-запад они составляли 560 см, а по линии юго-восток — северо-запад — не менее 320 см. В нише южного угла найдены остатки каменного открытого очага. Размеры ниши в плане составляли 100×60 см. Сам очаг находился на материковом останце, приподнятом над уровнем основного пола на 20 см. В центре ниши, ближе ко внутреннему пространству жилища выявлено скопление песчаниковых камней, сложенных друг на друга без раствора. Большинство из них имели следы воздействия огня. Размеры этого скопления (в плане) составляли 60×45 см при высоте 15–20 см. Вдоль всей юго-западной стены прослежена материковая полочка-лежанка шириной в 50–60 см. При-

¹ Об этом в свое время сообщал еще М. Фукс [5, с. 104–105].

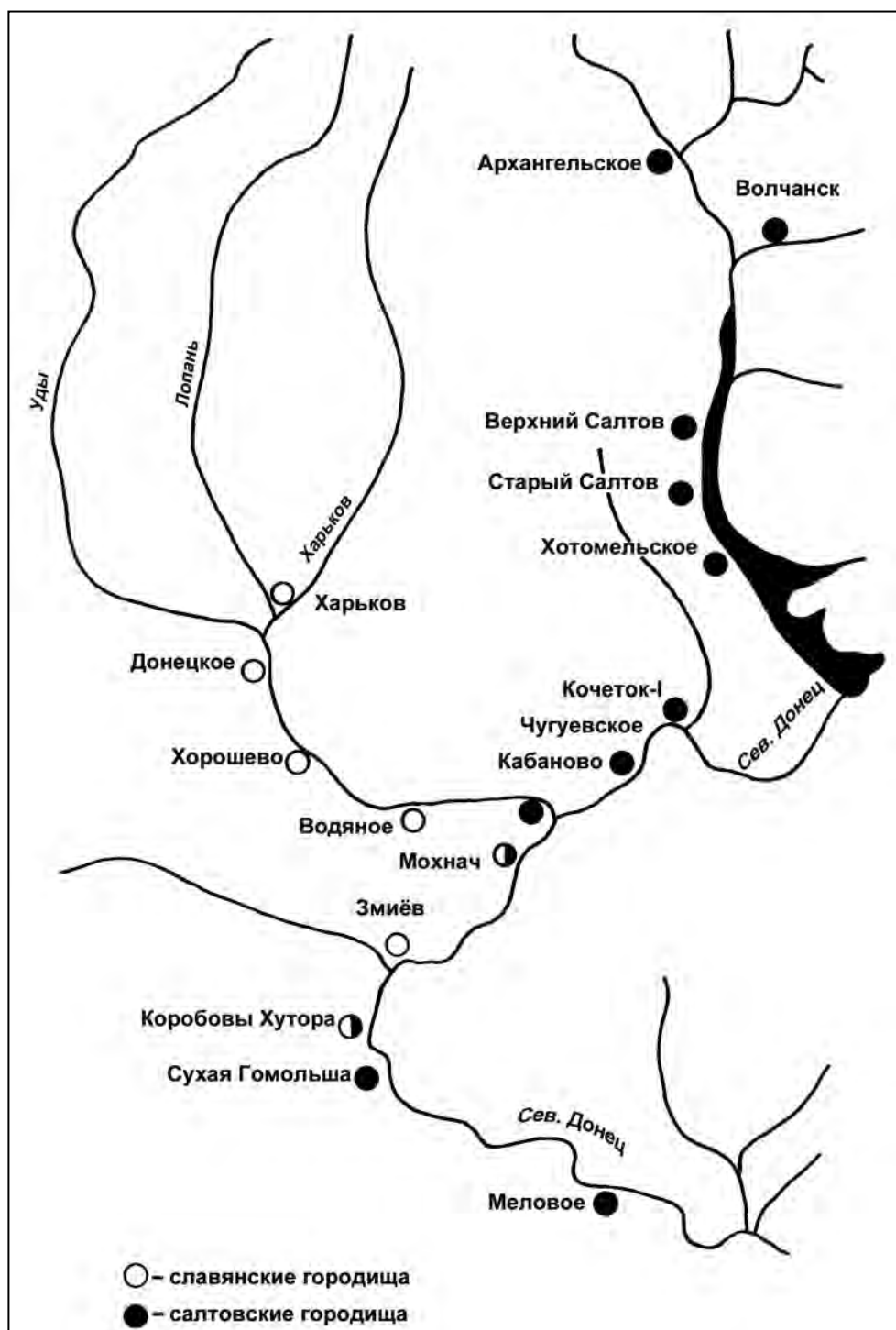

Рис. 1. Карта-схема раннесредневековых городищ

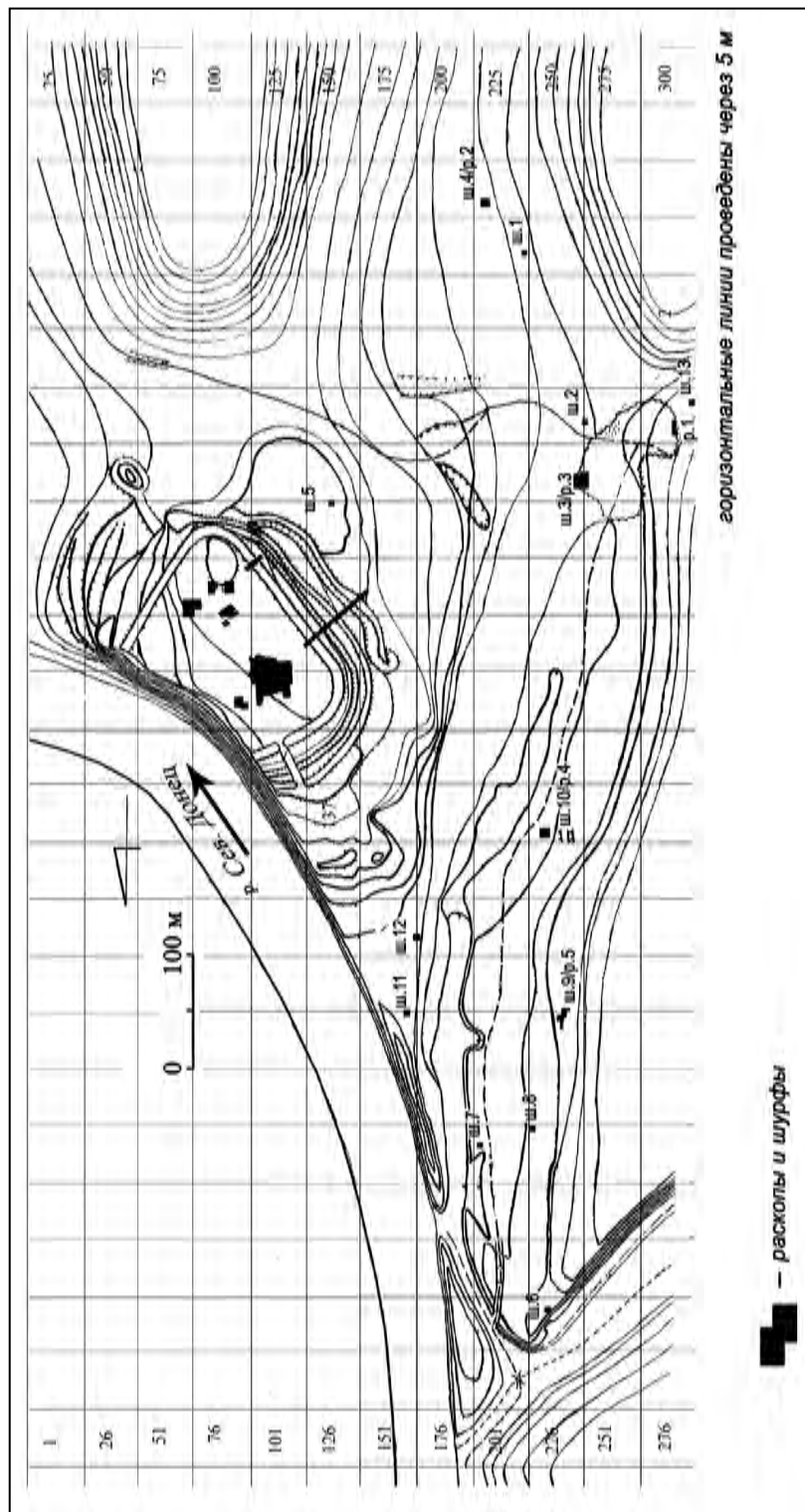

Рис. 2. План памятника Коробовы Хутора

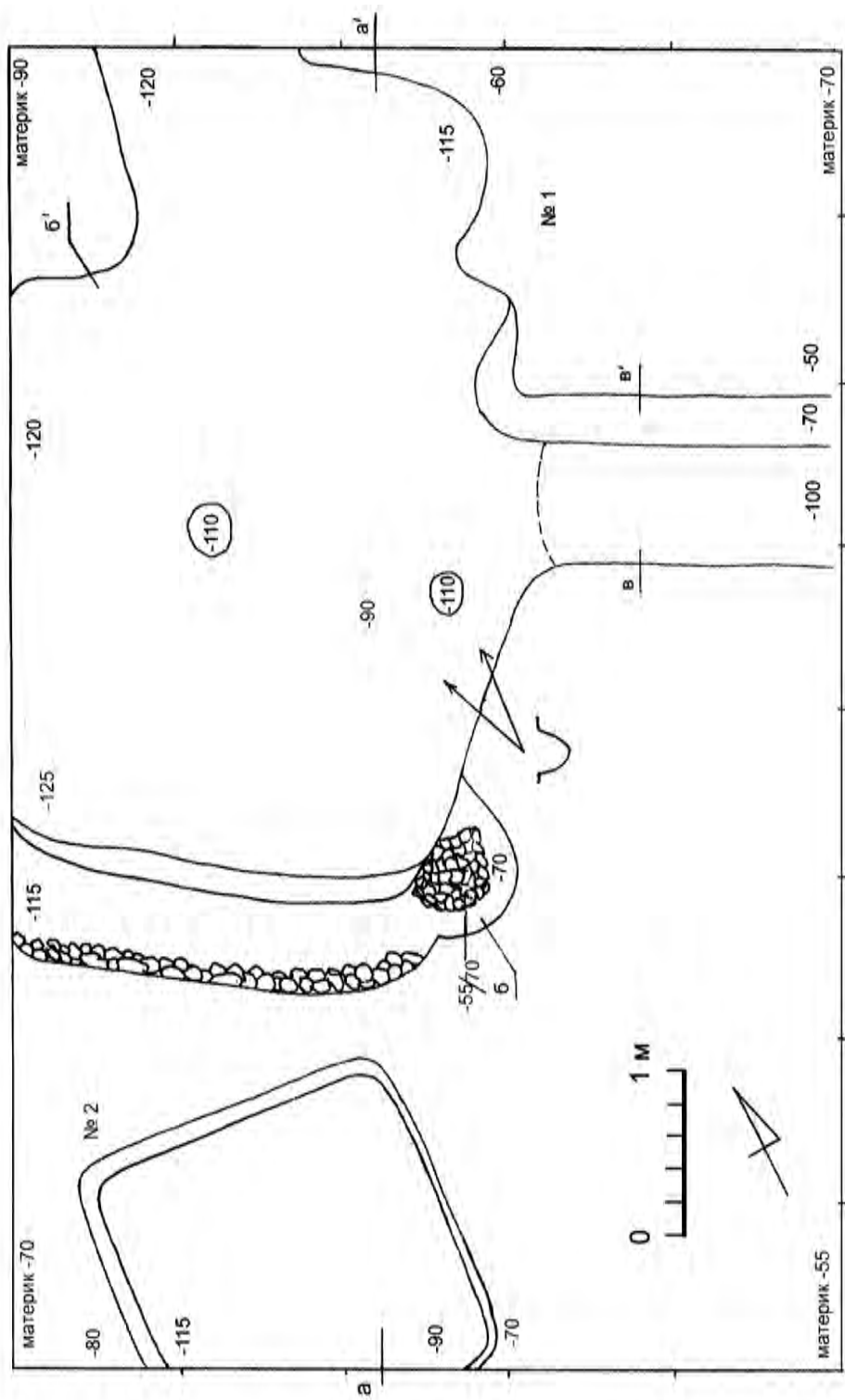

Рис. 3. План раскопа-4 на селище Коробовы Хутора

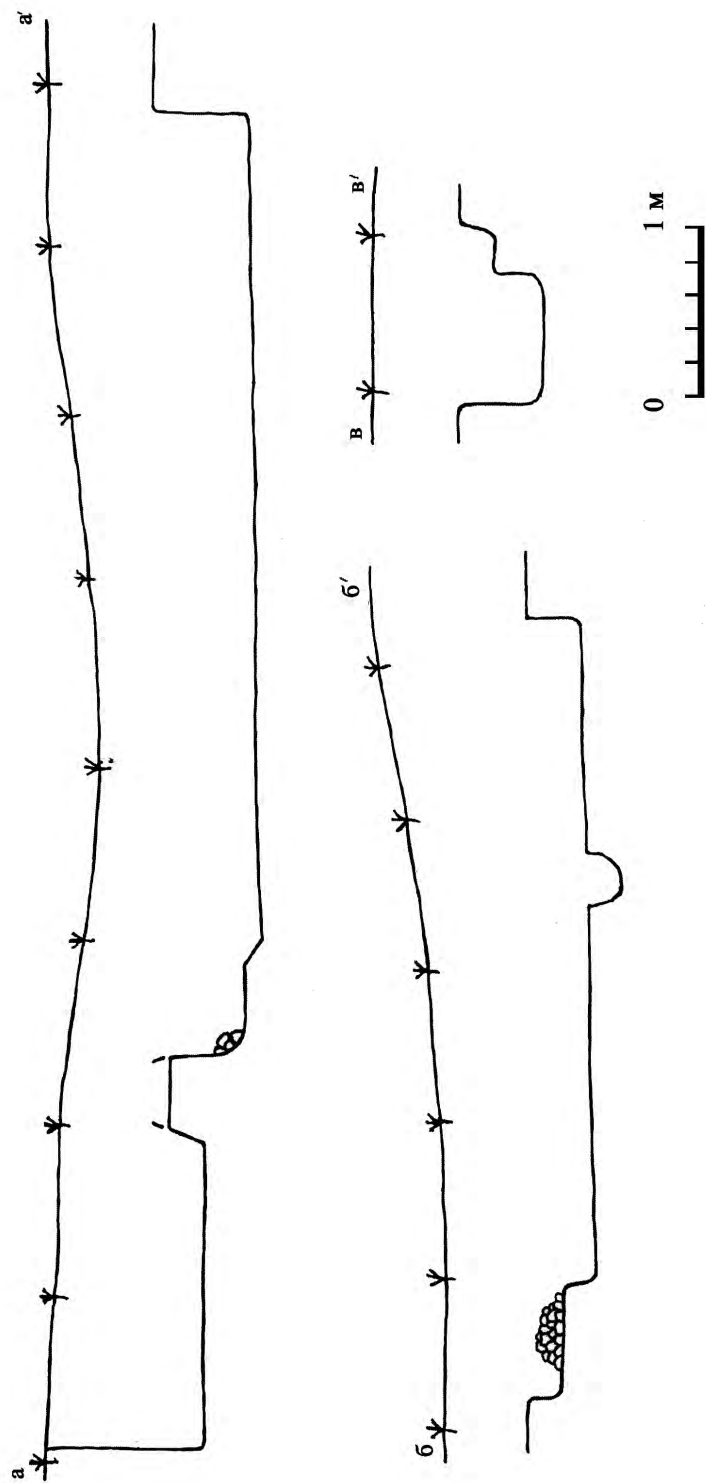

Рис. 4. Профили раскопа-4 на селище Коробовы Хутора

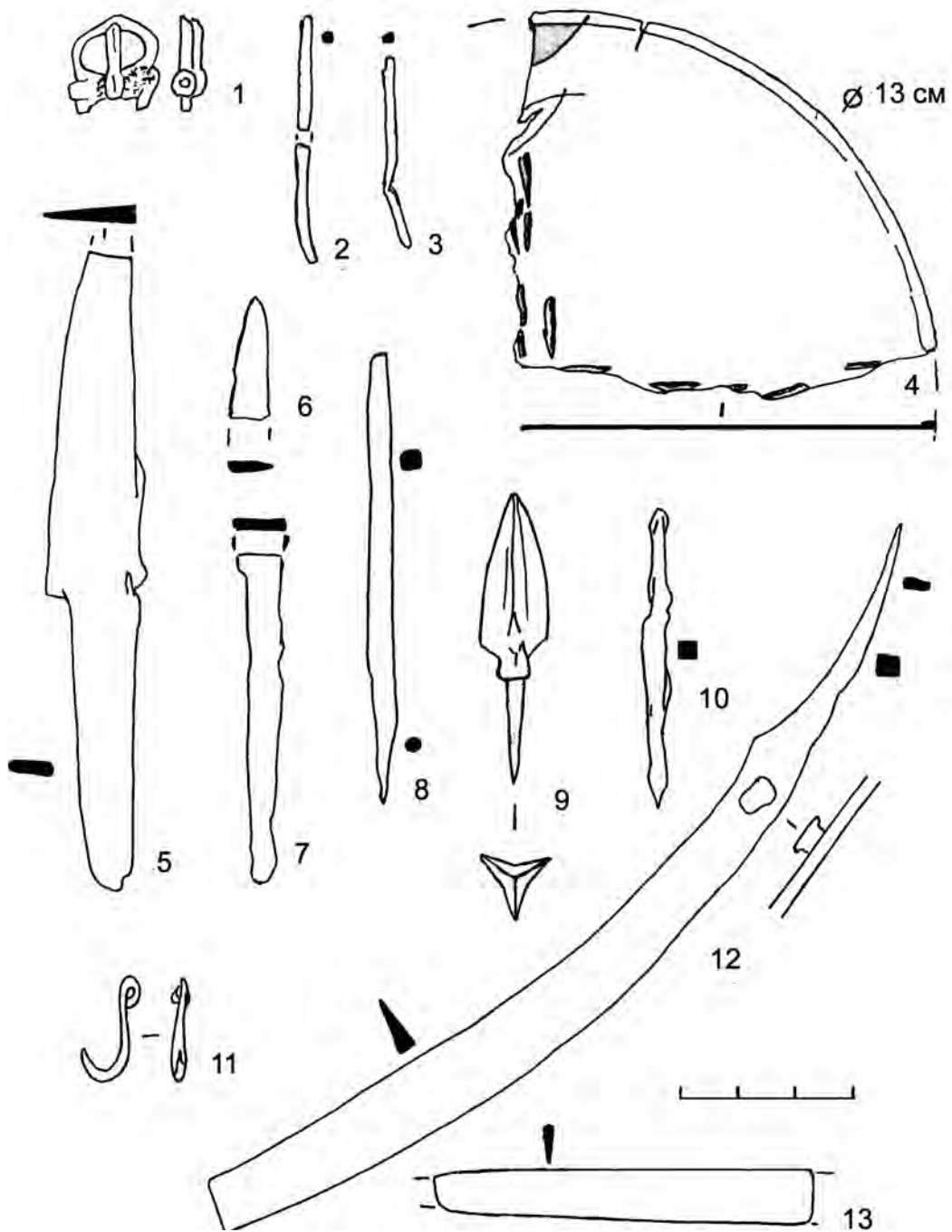

Рис. 5. Находки из раскопа-4 на селище Коробовы Хутора

мечательно, что в месте соединения полочки с внешней стеной по всей ее длине обнаружена линия песчаниковых камней округлой формы (диаметром 5–13 см). В северо-восточном углу помещения прослежено еще 2 небольших ниши. Их ширина 60 и 100 см с 30 см выходом за пределы основного помещения. Еще одна ниша наметилась в северной части жилища. Ее ширина по северо-восточной бровке раскопа составила 120 см. Полностью ее проследить не удалось (уходила в бровку раскопа под дерево). При зачистке пола обнаружили 2 ямки от столбовых опор: обе круглые, диаметром по 25 см при одинаковой глубине в 110 см, что на 20 см ниже уровня пола.

Вход, ведущий в помещение со стороны реки (балки) имел вид коридора шириной 75 см и длиной почти 200 см (в пределах раскопа). Его плоское дно находилось на глубине 100 см, а с СВ стороны на уровне — 70 см прослежена материковая полочка-останец шириной 30 см. Интересно заметить, что уровень пола в коридоре был на 10 см ниже уровня пола основного помещения. Такая особенность углубленного коридора впервые, как нам представляется, прослежена на памятниках лесостепного Подонцовья. Скорее всего, это случайность, возникшая при строительстве или эксплуатации жилого помещения. Однако такое соотношение пола жилища и входа создавало своеобразный термоизолирующий эффект, при котором холодный воздух извне помещения «запирался» теплым воздухом изнутри помещения.¹ Тем самым в жилище теплая температура была более сбалансированной.

Заполнение котлована жилища состояло из чернозема с обилием находок. Особенно много костей располагалось в северной и северо-восточной нишах. Коридор входа практически без находок. Из особых находок здесь обнаружено несколько ножей и их фрагментов (рис. 5, 5–7, 13) две иглы (рис. 5, 2, 3), по два шила (рис. 5, 8, 10) и стержня, а также рыболовный крючок (рис. 5, 11) — все из железа. Кроме того, в жилище обнаружена четверть бронзового зеркала (рис. 5, 4), точильный камень, два оселка и рог тура (*Bos primigenius*) со следами распиливания.

Интересно отметить находку в жилище фрагментов от двух гончарных сосудов. Судя по профилям венчиков и орнаментации, это были кухонные горшки, изготовленные из плотного, хорошо отмученного теста без видимых примесей. Фрагменты имели качественный одноцветный обжиг коричневого цвета на всех поверхностях и на изломе. Однако, эти, безусловно, салтовские по форме и технологии сосуды, были украшены как в традициях СМК, так и в роменской традиции. В первом случае мы имеем в виду горизонтально прочерченные параллельные линии по шейке и плечу одного из сосудов (рис. 6, 1). К традициям роменской (славянской, северянской) орнаментации мы относим использование зубчатого «веревочного» штампа для нанесения косых отпечатков по плечу и краю отогнутого венчика (рис. 6, 1, 2). Качество теста и отпечатков позволяет отличить эти «славянские» отпечатки от изредка используемых для подобной орнаментации отпечатков зубчатого «гребенчатого» штампа. В последнем случае четко прослеживался бы каждый отдельно вырезанный зубчик орнаментального «гребешка», что в нашем случае исключено.

Полученные данные весьма примечательны. Они позволяют говорить о смешении этнических традиций в керамическом производстве и в домостроительстве раннесредневекового поселения Коробовы Хутора.

Исследованное жилище в плане имеет сложную форму. У него отсутствуют параллельные стены, лишь одну из них (южную) можно считать условно прямой. Отсутствие столбовых опор вдоль стенок котлована не дает возможности говорить о каркасно-столбовой или горизонтально-закладной конструкции стен жилища. Возможность использования фахверковой или вертикальной закладной конструкции стен также не подтверждается наличием углубленных канавок вдоль стенок котлована (в последнем случае они неперенны). Наличие центрального опорного столба и значительная округленность углов позволяет высказать обоснованное предположение

¹ Такое взаиморасположение пола входа (коридора) и основного помещения применяется и при создании иглу — традиционного зимнего жилища у канадских эскимосов [13].

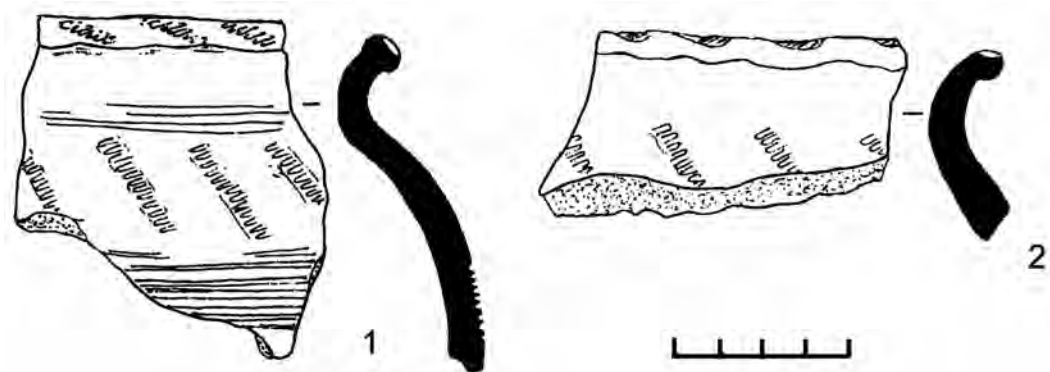

Рис. 6. Синкретическая керамика из раскопа-4 на селище Коробовы Хутора

о том, что перед нами вариант юртообразной заглубленной постройки с шатровым перекрытием. Ее легкие каркасные стены опирались на древнюю дневную поверхность или имели незначительное, к сегодняшнему дню непрослеживаемое, заглубление. Кроме того, если исключить из жилого пространства ниши в северо-восточной части котлована, которые имели явно хозяйственное назначение (хранение запасов или утилизация отходов), то оставшееся «жилое пространство» в плане представляет многоугольник с центральным опорным столбом (т. е. по форме тяготеет к кругу).

Юрты различных модификаций, по мнению С. И. Вайнштейн [15, с. 43–49], были неперенным атрибутом жизни кочевников Евразийских степей, в том числе и в средневековье. Здесь же перед нами несколько трансформированное жилище раннесредневекового кочевника, приспособленное для длительного стационарного проживания в новых условиях. Оно может рассматриваться как своеобразный феномен адаптации его жителей к новым природно-климатическим условиям и способам ведения хозяйства. О последнем свидетельствует упомянутая выше находка серпа.

Переход к оседлости и отход от скотоводческо-кочевой хозяйственной модели проявлялся прежде всего в жилище. Разнообразие проявлений юртообразных построек¹ проанализировано в специальной работе В. С. Флерова, который пришел к выводу о невозможности в настоящий момент создать какую бы ни было единую классификацию этих жилых сооружений. Практически каждая из них индивидуальна и неповторима [17, с. 49–60]. Это свидетельствует о том, что разнопричинный процесс оседания кочевников (тюрков, угров, болгар и др.) на землю был растянут во времени и пространстве, и каждый владелец самостоятельно приспосабливался (адаптировал свое жилище) к новым условиям.

В данном случае юртообразная постройка с единственным центральным опорным столбом и шатровой крышей была дополнена коридором, свод которого опирался на дополнительную столбовую опору. Последняя, вероятнее всего, находилась в месте соединения перекрытия основного помещения и упомянутого коридора, который, судя по размерам и несколько большей заглубленности пола, служил дополнительным теплосохранивающим элементом жилища. Вдоль юго-западной стены имелся материковый останец — лежанка, что также является новым, заимствованным у оседлых лесостепных народов элементом интерьера жилища. Наличие на ней россыпи камней вдоль стены говорит, скорее всего, о том, что они служили для придавливания (плотного прилегания) мягкого материала стен (войлок, кошма, шкура) к стенкам котлована. Это косвенно подтверждает наше высказанное выше предположение о том, что стены рассматриваемого жилища были вынесены за пределы котлована.

¹ Термин прижился в науке с подачи И. И. Ляпушкина [16, с. 100, 142].

Открытый очаг находился на материковом останце в нише. Такое расположение отопительного устройства (на останце в нише или подбое) встречается в конце I тыс. н. э. у полян и северян [18, 106–112; 19, с. 271]. Однако более характерны они для северянских древностей, которые представлены не только на соседних с Коробовыми Хуторами памятниках [20, с. 70; 21, с. 43–44; 22, с. 8–9; 23, с. 23–25], но и на самом городище в пределах роменской усадьбы [24, 53–55]. Для юрт и юртообразных жилищ устойчивым признаком является наличие открытого очага по центру пола. При его создании на территории юго-востока Европы иногда использовалась глиняная подмазка и крайне редко камни, которые, чаще всего, не имели никакого конструктивного значения [17, с. 8–36; 25, с. 23]. Последний материал (камень) иногда использовался в оформлении очага на памятниках лесостепной зоны указанного региона, что, по нашему мнению, является следствием определенного влияния северокавказских алан. Здесь следует заметить, что с точки зрения тяготения к тем или иным военно-политическим лидерам раннесредневековая северокавказская Алания в конце I тыс. н.э. не была единой. Ее восточная часть попала под влияние хазар еще в третьей четверти I тыс., а западная сохраняла относительную самостоятельность (под протекторатом Византии) до середины VIII в. н. э. [26, с. 102–122, 145–173]. Этим, по нашему мнению, в определенной степени объясняется и некоторые отличия в материальной культуре северокавказских алан. Кроме того, аланы «западной» части Алании были в большей степени связаны с коренными жителями кавказских гор, что проявлялось, в том числе и в более частом использовании камня в строительстве вообще и в домостроительстве в частности. Именно в западной Алании мы наблюдаем очаги обложенные рваным камнем или сложенные из камня [26, с. 274, рис. 62]. На территории Северного Причерноморья нам не известны юрты или юртообразные жилища, отопительные устройства которых располагались бы во встроенных нишах. Такое иногда встречается в юртообразных жилищах на болгарских памятниках в Подунавье — Дуранкулак и Гарван (тоже контактная зона булгар и славян). Но там они находятся практически на уровне пола [17, с. 42–44].

Таким образом, только в отопительном устройстве рассматриваемого нами жилища мы видим сочетание трех разных этнических признаков: славяне — встроенная ниша, приподнятое относительно пола положение, тюрки-болгары — ниша, открытый очаг, аланы — использование камня. Такой синкретизм подтверждается и наличием вышеупомянутых фрагментов керамики.

Полученные и проанализированные материалы из раскопа-4 на селище Коробовы Хутора свидетельствуют о присутствии степного кочевнического этнического компонента (тюрко-болгарского, угорского — ?), равно как и славянского в среде раннесредневекового преимущественно аланского населения на селище Коробовы Хутора в конце I тыс. н. э. Об этом в достаточной степени свидетельствуют материалы раскопа-4, что проявляется в домостроительстве, элементах интерьера и керамике.

В более широком смысле следует заметить, что по мере расширения археологических исследований в контактной зоне восточных славян и Хазарии возрастает количество артефактов и целых комплексов, свидетельствующих о существовании синкретичного по своей культуре населения на памятниках верхнего течения Северского Донца. Все это требует более внимательного отношения полевых исследователей к созданию коллекций массового археологического материала с каждого памятника указанной территории и тщательному соблюдению современных методик изучения хозяйственно-бытовых комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.
2. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона//МИА. — 1958. — № 62. — С. 85–150.
3. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — М., 1967.

4. Багалей Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии//Труды XII археологического съезда. — Москва, 1905. — Т. I. — С. 1–92.
5. Фукс М. Про городища скитської доби на Харківщині//ЗВУАК. — 1930. — Т. 1. — С. 91–112.
6. Ляпушкин И. И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. — 1961. — № 104.
7. Шрамко Б. А. Археологические исследования Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в Харьковской и Полтавской областях в 1954 г. — Харьков, 1955//Архив ИА НАНУ. — № 1954/14.
8. Шрамко Б. А. Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1970 г. — Харьков, 1970//Архив ИА НАНУ. — № 1970/70.
9. Плетнева С. А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции летом 1955 г. — Москва, 1955//Архив ИА НАНУ. — № 1955/16.
10. Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского государственного университета в 1998 г. — Харьков, 1999//Архив ИА НАНУ. — № 1998/80.
11. Михеев В. К. Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 1999 г. — Харьков, 2001//Архив ИА НАНУ. — № 1999/96.
12. Колода В. В. Работы 2003 г. на городище Коробовы Хутора и в его округе//АВУ 2002 — 2003 рр. — Вип. 6. — К.: ІА НАН України; Шлях, 2004. — С. 167–169.
13. Колода В. В. Работы на городище и селище Коробовы Хутора//Археологічні дослідження в Україні 2003 — 2004 рр. — Вип. 7. — К.: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике Поле, 2005. — С. 171–173.
14. Иглу//БСЭ. — Москва: Советская энциклопедия, 1972. — Т. 10. — С. 27.
15. Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии//СЭ. — 1976. — № 4. — С. 42–62.
16. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона//МИА. — 1958. — № 62. — С. 85–150.
17. Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — М.: ИА РАН, 1996.
18. Смиленко А. Т. К изучению локальных особенностей союзов восточнославянских племен VIII—X вв.//Древние славяне и Киевская Русь. — К.: Наукова думка, 1989. — С. 105–114.
19. Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период. — К.: Наук. думка, 1990.
20. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья. — К.: Наук. думка, 1975.
21. Колода В. В. Некоторые итоги археологических исследований Мохначанского городища//Християнські старожитності Лівобережної України. — Полтава: Археологія, 1999. — С. 40–45.
22. Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского госпедуниверситета в 2002 г. — Харьков, 2003//Архив НИИАЛ ХНПУ.
23. Колода В. В., Свистун Г. Е. Отчет о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 году. — Харьков, 2004//Архив НИИАЛ ХНПУ.
24. Колода В. В., Крыганов А. В., Михеев В. К. и др. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году. — Харьков, 2005//Архив НИИАЛ ХНПУ.
25. Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э.—II тыс. н. э.)//Древнее жилище народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1975. — С. 7–49.
26. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Владикавказ: Ир, 1992.

Summary

V. Koloda. *About evincing ethnic syncretism among forest-steppe Saltov population (by the example of excavation-4 materials at Korobovy Khutora settlement)*

The work is devoted to analysis of the Early Middle Ages materials (Saltov archaeological culture of the middle of VIII—the middle of X centuries) from Korobovy Khutora settlement in Kharkiv region. The materials that have been found in the excavation № 4 tell us about polyethnic population of this settlement. Different ethnic groups lived there (such as Turkic-Bulgarian, ancient Hungarian and Slavonic ones) while the Alans — native of Northern Caucasia — were dominating. It is proved by ceramic material, traditions of house building, elements of interior and the heating device found there.

